

по следам громких дел

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронем
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулка
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой

ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Разработка серийного оформления *С. Груздева*

Дизайн обложки *Е. Елькиной*

Редактор серии *А. Антонова*

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Все оттенки черного : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-107423-4

Целая серия загадочных и кровавых убийств, обставленных со зловещей торжественностью средневекового ритуала, потрясает безмятежную дачную идиллию. Очаровательных дачниц Нину и Катю не оставляет подозрение, что убийцу нужно искать среди их уважаемых и интеллигентных дачных соседей. Но кто он — известный режиссер, тренер-атлет или дама-экстрасенс? Улик так много, что в них запутались и опытные следователи. Но что же предпринять двум подружкам? Сбежать в Москву? Ведь следующими жертвами могут стать они сами. Но журналистский азарт Кати Петровской не дает ей покоя, и они с Ниной решают вести собственное расследование...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-107423-4

Пролог

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Ночь уходила, хотя темнота по-прежнему скрывала и лес, и холмы, и церковь над рекой. В поселке на том берегу не светило ни одно окно.

Он споткнулся о корень, выступающий из влажной, размытой летним дождем земли, точно лапа лешего. Едва не упал. И как только она умудряется отыскивать дорогу в этих зарослях? Хотя... Холм есть холм — карабкайся вверх по склону и не ошибешься.

Месяц появился в разрыве облаков, точно тусклую лампочку включили. И в его мертвенно-серебристом свете на минуту неожиданно стали различимы для глаз каждая ветка, каждый лист молодых деревьев и кустов. До вершины оставалось совсем близко. Мужчина, кряхтя, упорно лез вверх. А на холме его уже ждали. Женщина. Она молча наблюдала за ним. Потом запрокинула голову и уставилась в небо — месяц снова заволакивала мутная мгла.

— Еще дождь, как назло, нагрянет, тучищи-то... Так мы, пожалуй, и не увидим... тогда насмарку все путешествие... Не увидим ведь... — Мужчина наконец одолел подъем и теперь еле переводил дух.

— Дождя не будет. — Женщина все смотрела на тучи. — Подует ветер, небо очистится. И нам не стоит сейчас говорить. Лучше помолчать.

Но ее спутнику молчать было трудно. Он был грузный, уже в летах. Подъем на холм дался ему нелегко. Дыхание его было прерывистым и хриплым. Однако если бы кто-нибудь мог приглядеться к нему повнимательней, то заметил бы, что это не только обычная возрастная одышка. Мужчина был явно сам не свой от волнения. Выдавали его руки. Он то закладывал их в карманы широких бежевых брюк, испачканных на коле-

нях земель, то вытаскивал рывком, сплетал пальцы, начиная хрустеть суставами. То с треском обламывал ветку с ближайшего куста и обрывал свежие клейкие листочки. Несколько раз он заботливо шупал себе ладонью сердце, словно проверял — тут ли оно еще, на месте ли? Волнение, им владевшее, требовало выхода не только в суетливых жестах, но и в словах.

— Тучи, ливень, погода, чтоб ее... небо как ватой заткнули. — Он вздохнул. — И все это наше верхолазание коту под хвост. Кардинальное невезение. Ой, мама моя... «А если упущу я этот случай, то счастье вновь меня не посетит?»

— Цитаты здесь неуместны, я прошу помолчать. Недолго. Совсем немного. — Женщина положила руку на плечо своего спутника, точно оперлась на него, и ощутила то, что он сейчас пытался скрыть сам от себя: под внешним лихорадочным беспокойством, тщетно маскируемым раздраженно-капризной болтовней, в самых глубинах его сердца жили ясное ощущение нереальности происходящего и страх, вот-вот уже готовый перерасти в истерическую панику. Женщина почувствовала это и сочла нужным несколько ободрить и успокоить своего спутника. Ее рука легонько коснулась его затылка, липкого от пота. Ему показалось — словно наложили прохладную примочку. Пальцы сжали его шею, помассировали, погладили, снова сжали.

— Все будет хорошо. Уверена, — шепнула женщина. — Не тревожьтесь ни о чем. Мы пришли не напрасно. Сегодня хорошая ночь.

С соседних холмов потянуло прохладным ветерком. И мгла на темном небе сдвинулась с мертвой точки, за клубилась. Месяц на мгновение пропал и снова явил себя, блеснул, а затем начал тускнеть, угасать... Ветер окреп. Он дул с юга, сбивая клочья туч в послушное стадо.

Низко над горизонтом взошла звезда. И если бы они в тот миг обменялись впечатлениями, то оказалось бы, что каждый видел эту звезду по-своему. Мужчине она показалась голубоватой точкой, мерцающей и пульсирующей на сером предутреннем небе, как тысячи, миллионы, миллиарды других звезд-светлячков. В ней вроде бы не было ничего необычного. Женщина, обладавшая более острым зрением, видела во мгле крохотный туманный серпик. Подобно обломку лезвия, он притягивал к себе ее взор, увеличивался в размерах, становясь при этом все тоньше, все острее...

— Утренняя Звезда. — Женщина сказала это таким тоном, словно сияющая звездочка была ее собственностью и она дарила ее своему спутнику.

Тот поспешно отвел глаза. Уперся взглядом в землю у себя под ногами, словно желал в тот миг видеть лишь носки своих щегольских кроссовок, испачканных глиной.

— Царь Содома. Повелитель Мух. — Хотя голос его был по-прежнему хриплым, он явно пытался иронизировать. Но получалось это плохо, фальшиво. Женщина знала: *этому существу* сейчас не до иронии!

— Можем начинать, — просто сказала она. — Вы не передумали?

— Нет.

Она чувствовала: ощущение нелепости, нереальности происходящего и страх снова парализовали его. А *таким* он ей не был нужен и не был нужен и... Она подняла умоляющий взгляд к звезде. ПОЖАЛУЙСТА, Я ПРОШУ. Страх — удел жертвы. Он не должен мешать жрецу в его жертвоприношении. Страх — дитя ночи, дух мрака. Страх — это ненависть и боль. А когда жрец приносит дар свой, ненавидя и страшась, его жертва становится не подарком, а оскорблением. Только любовь делает жертву угодной... *Ведь ОН тоже ищет любви.*

— Не надо бояться, — шепнула она. — Боль — это радость. В нашем с вами случае — это огромная телесная радость. Дайте руку.

Он протянул ей руку. Левую, от сердца. Они репетировали этот ритуал несколько раз подряд там, в ее доме. Он должен был повиноваться беспрекословно. И никакой одежды из синтетики — только натуральные хлопок, шерсть. Никаких металлических предметов. Перед походом на холм он выложил зажигалку, ключи, снял золотые часы, снял перстень и обручальное кольцо...

— Не нужно, не нужно так бояться, — в который уж раз шепнула она. — Закройте глаза. Лучше вам на это не смотреть.

Он крепко зажмурился: темнота, огненные шары, вращающиеся с бешеной скоростью, — огненное колесо. И НИКАКОЙ ЗВЕЗДЫ. Никакого Повелителя Мух...

Огненный шар неожиданно лопнул, отозвавшись острой болью в мозгу и левой руке. Боль жалила, точно змея. Он открыл глаза. Длинный глубокий порез перечеркнул его ладонь.

Кровь текла обильно, наполняя горсть — ладонь была сложена ковшиком. Человек тупо смотрел на свою покалеченную руку. Черная кровь в ладони — как крохотное озерцо. Женщина стремительно нагнулась, подняла что-то с травы. Он увидел под своей ладонью плоскую миску из зеленого стекла. Она принесла ее с собой из дома.

Помня наставления, подчиняясь ритуалу, он повернул ладонь ребром. Кровь заструилась, затем закапала в миску. Ни одна капля не должна была упасть мимо: она предупредила об этом особо. Почему? Что за идиотские предосторожности?!

Он созерцал сочащуюся кровью рану, чувствуя, как к горлу волной подкатывают тошнота и отвращение. Вместе с ними в нем зрел протест. Что за балаган? Что я, взрослый, здоровый, культурный, умудренный жизнью человек, позволяю с собой делать? В какого шута меня тут превращают? И ради чего?! Страх, который терзал его и который он всеми силами пытался прогнать, исчез. Но легче от этого не стало. В глазах темнело от тошноты, отвращения и гнева. И в тот миг, когда чувства эти достигли в нем высшей точки, женщина быстро зажала его левую руку своей левой рукой и правой поднесла к его губам чашку с его же собственной кровью.

— Пей, — приказ был точно удар хлыстом.

Он коснулся губами холодного влажного стекла, вдохнул запах, поперхнулся, закашлялся и...

Женщина смотрела, как ее спутник согнулся в неудержимом приступе рвоты. *Все было испорчено.* Все. Еще одно наглядное доказательство того, что *жертва*, сопровождаемая отвращением, гадливостью, страхом, сомнениями, *неудобна Ему.*

Она смотрела на своего спутника, который теперь откашливался, прочищая горло. Несчастный кретин, жалкий театральный пац, шут гороховый... Сейчас ему плохо, физически плохо, но в глубине души он дьявольски рад, что *все это окончилось вот так.* А пройдет пять минут, и он опомнится, будет жалеть и казнить себя за слабость. И просить, умолять сделать что-то еще, помочь...

Она выплеснула кровь на траву, вырвала клоч осоки, протерла чашку. Достала из сумки, повешенной на куст, чистый бинт и пластырь. Пока она бинтовала своему спутнику руку, он старался не встречаться с ней взглядом. Она поняла и это: стыд и неловкость за свою слабость сменились сознанием

того, что цель, ради которой они провели эту и многие другие ночи без сна, не достигнута. Она сама заглянула ему в глаза: *ведь ты же не верил мне, так отчего же теперь жалеешь?* И чего боишься? Как же это уживается в твоём сердце — неверие и одновременно страх перед тем, во что ты, как сам себя уверяешь, НЕ ВЕРИШЬ и не поверишь никогда?

— Какой же я дурак. — Он откашлялся. — Я не знаю, как это вышло. Я не хотел...

— Вы просто не были готовы.

Они смотрели на горизонт: утро вступало в свои права. Небо из темно-серого становилось зеленовато-прозрачным, как стоячая вода старого пруда. Звезды гасли, месяц бледнел. И та звезда тоже неудержимо угасала в свете нового дня.

— Теперь уже все испорчено... окончательно? — спросил он неуверенно. — И точно, мы — существа мухи... Это ж надо так... Существа мухи, а он повелитель мух...

Женщина не ответила. Эта его ирония снова фальшива и неуместна. Ничего, скоро от этой натужной иронии не останется и следа. Она сняла сумку с ветки, положила в нее чашу, еще какие-то предметы, поднятые с травы. Молча зашагала вниз по склону. Ее спутник плелся за ней, как побитый пес.

— Эту... гм... неудачу... ошибку мою глупейшую нельзя исправить? — спросил он после нескольких минут молчания.

Она снова не сочла нужным отвечать. Они спустились уже к самому подножию холма. За березовой рощей слышался шум — там лес пересекало шоссе, по которому проносились редкие по случаю раннего утра машины. Направо через кусты уходило несколько хорошо утопанных тропинок. Их проторили местные дачники к речке Сойке.

Они все так же молча шли по тропе, миновали ельник и вышли на узкую бетонку, перегороженную шлагбаумом. И тут человек не выдержал. Он догнал женщину, схватил ее за руку, развернул к себе.

— Да не молчите же вы, скажите мне что-нибудь, ну, ругайте меня... Я понимаю, я все испортил и... Но я верю, я глубоко верю, я хочу верить! Я не могу все это вот так бросить, вы же знаете! — Губы его дрожали от волнения, речь была сбивчивой и малопонятной, но женщина знала, что он скажет дальше. *Они все говорили ей одно и то же. Они все возвращались к ней. Не могли не вернуться, потому что жаждали ПОВТОРЕНИЯ.*

Она скользнула по нему взглядом, словно оценивая. Он стал здесь, внизу, на этой дачной дороге у полосатого шлагбаума тоже иным, чем там, на холме. Пожалуй, сейчас она смогла бы объяснить ему, что требовалось от него в тот единственный, великий, неповторимый миг. Ведь это так просто! Он уже умный. Он способен понять то, *как должно совершать подобный обряд*. Но...

— Ну, есть способ? — Он смотрел на нее жалкими, умоляющими, потерянными глазами. — Есть?

Она вздохнула: нет, его сожаление и стыд — плохая почва для подобного разговора. Да и нужен ли вообще ему такой разговор?

— Есть. — Она взяла его за руку, уводя прочь. — Способ есть.

— Такой же, как и этот? Мы повторим и...

— Нет. *Это другой способ*.

— А мне он поможет? Впрочем, о чем я говорю, какие тут гарантии, я понимаю, но...

Она вводила его все дальше и дальше от холма. Внешне со стороны они выглядели как зрелая супружеская пара: грузный, с проседью в волосах мужчина в летних брюках и ветровке, испачканной на груди чем-то бурым, и женщина в спортивном костюме дорогой фирмы с клеенчатой модной итальянской сумкой через плечо. Они смахивали также и на молодых то ли туристов, то ли дачников, отправившихся в это солнечное летнее утро за город. Именно так и воспринимали их те, кто попался им на дороге в этот ранний час. Но ни с кем из встречных, ни с одним живым существом мужчина не мог поделиться (даже если бы очень, очень захотел) странной тоскливой тревогой, которая против воли сдавливала его сердце все сильнее и сильнее, по мере того как они удалялись от холма.

Глава 1

ДЕРЕВО ИУДЫ

То, что выезд на *это место происшествия* будет чреват многими самыми неожиданными последствиями и не принесет ничего хорошего, было ясно почти с самого начала. С некото-

рых пор Екатерина Сергеевна, а проще сказать, Катя Петровская — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, внимательно прислушивалась к своему внутреннему голосу.

На этот раз внутренний голос предостерегал недвусмысленно: нечего тебе делать в Старо-Павловске на этом происшествии. Не с такими впечатлениями следует уходить в очередной и такой долгожданный отпуск. Но не ехать туда Катя уже не могла: «Жигули» пресс-центра стремглав мчались (сильно сказано для этой развалюшки) по шоссе. Катя затаилась на заднем сиденье тихо как мышь. Прислушивалась к разговору коллег. Они говорили о том, что произошло. Надо же, думала Катя, это несчастье стряслось как раз накануне ее отпуска. И что самое главное — это уже не первый случай, который там происходит! Именно в том месте, где она и Нина собираются провести...

— Самоубийц обычно хоронят либо на самом краю кладбища, либо за оградой. Ни креста на могиле не полагается, ни памятника — один холмик. Когда Полунина хоронили, мы ездили похороны заснять. Мать его, старуха, все уговаривала местного священника, чтобы отпел всех, ну, всю их семью. А он жену Полунина и сына только отпел, а самого-то... Даже гроб его в церковь запретил вносить. Во как!

В Кате же названная фамилия многое вызвала в памяти. Анатолий Полунин был прокурором Старо-Павловского района. И его трагическая гибель, и страшная кончина его семьи в мае этого года всколыхнули не только тихий Старо-Павловск, но и все Подмосковье. О трагедии писали газеты, а слухи ползли самые мрачные и противоречивые. И вот не прошло и трех месяцев — сегодня как раз второе августа, — и в этом районе новое ЧП. И обстоятельства его кое в чем совпадают с...

В дежурной части главка Кате сообщили, что в район вместе с опергруппой срочно выехал Никита Колосов — начальник отдела по раскрытию убийств. И это известие Катю заинтриговало: в сводке ведь ясно сказано — «самоубийство». Зачем ехать на подобное происшествие Колосову? Или при осмотре места уже возникли какие-то сомнения? Что-то там нечисто и Никита лично отправился выяснять? Они подозревают инсценировку? И на самом деле гибель этого несчастного Михаила Ачкасова не самоубийство, а хладнокровно осу-

шествленное убийство, замаскированное под... Но тут Катя оборвала себя: «Хватит, вечно ты торопишься. Сейчас приедем и все узнаем на месте».

В этот теплый и пасмурный августовский день городок Старо-Павловск встретил их сонной, ленивой тишиной. Катю всегда поражало то, как отличается в таких подмосковных городках ритм жизни от столичного. Кажется, недалеко от Москвы, а жизнь иная. Поля, заросшие травой, деревеньки, леса и перелески, и вдруг — этакое «новорусское» чудо, замок из красного кирпича под медной крышей, более похожий не на жилой дом, а на роскошный лабаз. А затем — снова поля, коробочки хрущевки какого-нибудь рабочего поселка, издающийся по причине кризиса заводик, и снова — поля, лес. А за ним — городок: главная улица, где все еще целы старинные купеческие дома (деревянный верх, каменный низ), церковь, коммерческие ларьки вокруг площади тесным хороводом, гипсовый памятник «вождю», сиротливо торчащий на пяточке перед зданием бывшего райкома, стекляшка бывшей же городской пивнушки, где теперь красуется горделивая вывеска: «Казино Фламинго». И — безлюдье на улицах, затененных липами. Только белье на балконах пятиэтажек парусом вздувается на ветру, хлопает да из какого-нибудь открытого окна на третьем этаже доносится песня Киркорова «Зайка моя».

Но Катя отлично понимала: сонная тишина и безлюдье — отнюдь не следствие лени горожан. Просто... В Старо-Павловске, по улицам которого она сейчас проезжала, из четырех местных предприятий работает лишь одно. И безработное население в основном мотается на заработки в Москву, а летом живет за счет огородов.

Водитель лихо свернул в кривенький проулок. Справа пошло какое-то чахлое редколесье. Таким Катя и увидела городской парк «Водник» — цель их путешествия. Они притормозили у парковой карусели, полуразвалившейся и ржавой. Здесь уже стояли два милицейских «газика» и «Скорая». Однако врачам на этот раз спасти кого-то было уже поздно. Местную карету «Скорой помощи» задействовали просто как труповозку.

То, что сотрудники пресс-центра здесь явно лишние, Катя поняла по мрачному виду главы местной администрации, прибывшего на место по звонку прокурора. Происшествие в

парке было неприятнейшим ЧП для «тихого» района. Это был сор, который явно не хотелось бы выносить из избы.

Общее напряжение витало в воздухе. Катя отметила: на *таком* месте происшествия все чувствуют себя словно не в своей тарелке — и сотрудники милиции, и прокуратуры, и эксперты, которые ко многому по долгу службы привыкают, и даже сам...

— *Что за порода, не знаешь?*

Катя вздрогнула — Колосов. У начальника отдела убийств, она давно заметила, вредная манера подходить неслышно и брякать что-то прямо в ухо! Правда, в тот миг она вряд ли услышала бы чьи-то шаги. Все ее внимание было приковано к тому, что колыхалось на ветру над самой ее головой в кроне самого обычного дерева, росшего на вытоптанной, захлавленной мусором полянке на задворках старой карусели. Колыхалась же на ветру толстая бельевая веревка, одним концом обвязанная вокруг ветки.

— *Дерева порода не знаешь какая?*

Колосов легонько отодвинул Катю в сторону, она мешала эксперту фотографировать эту самую веревку и сук. Свободный конец, болтавшийся в воздухе, был аккуратно обрезан. Катя знала: при осмотре места подобного происшествия, когда на скончавшемся налицо признаки механической асфиксии через повешение, веревку всегда обрезают, никогда не трогая и не развязывая узлов удушающей петли. Этого требуют правила осмотра: чтобы сделать верный вывод о том, что же произошло с умершим, является ли он злосчастным самоубийцей или жертвой чьего-то преступления, патологоанатому для исследования потребны и бездыханное тело, и веревка, и сама *петля*.

Труп уже сняли с дерева. И теперь именно порода этого дерева отчего-то так интересовала начальника отдела убийств.

— Это осина, Катя. — Колосов потрогал шершавый ствол. — Снова *осина*, надо же... Как это ты сказала мне в тот раз? *Дерево Иуды?*

Странно, что он вспомнил. Никита вообще на удивление много помнил из того, что она ему говорила. Катя замечала это не раз. Вроде и не слушает тебя совсем, а сам... Про дерево Иуды она сказала ему в мае, когда в главке обсуждали гибель старо-павловского прокурора. На то место происшествия Катя не ездила. Колосов тогда сказал: «Он повесился на осине...

надо же... Старая, гнилая, а рядом березы росли... Все ведь лучше бы, а?!»

Катя не могла ответить, чем лучше оканчивать жизненный путь в петле на белой березе, а не на горькой осине? Лишь сухо заметила, что если это и шутка — то дурная, а на осине еще Иуда повесился. Мол, есть притча такая евангельская. Видимо, несчастный самоубийца находился в таком состоянии, что ему было просто не до выбора «лучшего» дерева. Ее, помнится, тогда гораздо больше занимали ужасные подробности гибели семьи прокурора, а не смерть его самого. Решение уйти из жизни самому казалось хоть и не вполне понятным, но хотя бы закономерным после того, что он сотворил.

Но теперь замечание Колосова насчет дерева показалось ей странным: что он хочет этим сказать? Не то ли, что эта деталь наводит на размышления: в одном и том же городе в течение трех месяцев кончают с жизнью две весьма заметные, по провинциальным меркам, фигуры: прокурор и директор местного кирпичного завода. И в обоих случаях вешаются, избирая для этой цели осину — дерево Иуды. А ведь у прокурора Полунина имелся табельный пистолет. Пули, выпущенные из него, были извлечены патологоанатомом из тел его убитой жены и сына...

Катя все смотрела на болтающийся среди листвы обрезок веревки.

— Семья Ачкасова... Никита, с ними все в порядке? Они живы? — спросила она с запинкой.

— Угу. — Колосов прислонился спиной к соседнему дереву. — С ними ничего не случилось. Жена, сын... им еще утром сообщили. Я потом, возможно, к ним съезжу.

Катя хотела спросить, *зачем* ты туда сейчас поедешь? Но спросила другое:

— У Ачкасова было какое-то оружие? Дома или, может...

— В местном отделе зарегистрированными за ним числятся охотничье ружье и карабин иностранного производства. Кстати, подарок главы администрации к юбилею три года назад. Пятьдесят ему стукнуло. Оружие дома, уже проверили, в целости и сохранности. А тут у нас, — Колосов окинул взглядом дерево, — осина. На тело что ж не идешь взглянуть? Не любопытно, что ли?

— Никита, ведь это *точно* самоубийство? — Катя заглянула ему в лицо. Озадаченным начальник отдела убийств не вы-

глядел. Скорее мрачным и усталым. Господи, он всегда прикидывается мрачным. Маска у него такая для солидности, дабы молодость скрыть. «Каменный лик, скупая мужская улыбка». Странные существа мужчины, ей-богу. Все строят из себя кого-то.

И все же подумать тут есть над чем: начальник отдела убийств — фигура архизанятая, и вот лично и срочно явился на это место происшествия, вроде бы по всем признакам первоначальным — бесспорное самоубийство. Может быть, он знал этого директора Ачкасова? Ведь и с прокурором Полуниным он определенно должен был встречаться...

Сама Катя о прокуроре Полунине знала лишь то, что он был переведен в Подмосковье из соседней области и не работал в Старо-Павловске и двух лет. А про этого Ачкасова слухи и вообще были...

— Почему ты не отвечаешь, когда я к тебе обращаюсь? — спросила она. — Ты что, не желаешь со мной говорить?

Колосов и ухом не повел. Все его внимание было приковано теперь к почти акробатическому трюку: по указанию следователя прокуратуры один из оперативников с грехом пополам вскарабкался на злосчастную осину и теперь пилой (откуда она тут взялась?) отпиливал сук с веревкой. Видимо, следователь решил сохранить для экспертизы не только петлю, но и главный вещдок целиком. Смотреть на этот трюк было печально: опер чертыхался, пила то и дело застревала в древесине. Веревка болталась, точно дразня кого-то. Наконец отпиленный сук рухнул на траву, пребольно стукнув дежурного следователя, пытавшегося уловить драгоценный вещдок на лету, по рукам. Катя не стала дожидаться, когда следом за суком с осины шлепнется и опер.

Наверное, ей просто не следовало сюда приезжать. Ведь ясней ясного, что самоубийство (если эти данные подтвердятся) Михаила Ачкасова — отнюдь не тема для очередного субботнего очерка на страницах «Вестника Подмосковья».

И прежде Катя всегда обходила подобные темы стороной. Добровольный уход человека из жизни всегда окутан злоеющей, недоброй и чрезвычайно личной аурой. И подробности всегда табу: почему, отчего, по какой причине человек наложил на себя руки — пустил пулю в лоб, повесился, выпрыгнул из окна.

В последние годы Катя наблюдала почти что эпидемию